

DOI: 10.17803/1729-5920.2025.226.9.071-080

С. В. Корнакова

Байкальский государственный университет
г. Иркутск, Российская Федерация

Возникновение и развитие защиты информации о частной жизни в российском уголовном судопроизводстве

Резюме. Представлена историческая ретроспектива формирования правовой защиты информации о частной жизни граждан в российском уголовном судопроизводстве. Продемонстрировано, что в российской правовой системе всегда придавалось особое значение некоторым сведениям частного, личного и семейного характера, прежде всего в сфере уголовного судопроизводства как сфере отношений, в наибольшей степени затрагивающих права граждан. Ретроспективный обзор законодательной базы различных исторических периодов в этом аспекте позволил определить, что законодателем всегда предпринимались определенные меры по ограничению распространения информации о частной жизни участников уголовного судопроизводства. Сделан вывод о том, что формирование норм, направленных на ограничение доступа к информации о частной жизни граждан, имеет долгую и противоречивую историю развития, влияние на которую осуществлялось в связи со сменой политических режимов, чем обуславливались первоначальная ограниченность и последующее расширение прав граждан на защиту неприкосновенности их частной жизни.

Ключевые слова: неприкосновенность частной жизни; правовое обеспечение защиты сведений о частной жизни; конфиденциальная информация; история российского законодательства; уголовно-процессуальное законодательство; личная и семейная тайна

Для цитирования: Корнакова С. В. Возникновение и развитие защиты информации о частной жизни в российском уголовном судопроизводстве. *Lex russica*. 2025. Т. 78. № 9. С. 71–80. DOI: 10.17803/1729-5920.2025.226.9.071-080

The Emergence and Evolution of the Protection of Private Life Information in the Criminal Procedure of the Russian Federation

Svetlana V. Kornakova

Baikal State University

Irkutsk, Russian Federation

Abstract. This paper offers a historical analysis of the evolution of legal protections for information concerning the private lives of citizens in Russian criminal proceedings. The study demonstrates that, throughout its legal history, Russia has attached particular importance to safeguarding certain categories of private, personal, and family-related information, with special emphasis on the realm of criminal justice — where individual rights are most acutely at stake. Examination of legislative developments across different historical periods shows that lawmakers have consistently sought to limit the dissemination of such information. The findings suggest that the norms restricting access to private life data have undergone a long and complex evolution, shaped by shifts in political regimes. These shifts determined both the initially narrow scope and the subsequent expansion of citizens' rights to privacy protection.

Keywords: Privacy; legal framework for the protection of personal data; confidential information; history of Russian legislation; criminal procedure law; personal and family secrecy

Cite as: Kornakova SV. The Emergence and Evolution of the Protection of Private Life Information in the Criminal Procedure of the Russian Federation. *Lex russica*. 2025;78(9):71-80. (In Russ.). DOI: 10.17803/1729-5920.2025.226.9.071-080

© Корнакова С. В., 2025

Введение

Отнесение права на неприкосновенность частной жизни к одному из базисных конституционных прав граждан, а также к одному из важнейших принципов организации гражданского общества обусловлено существенной для каждого человека потребностью иметь определяемый им самим, свой личный, не подлежащий государственному и общественному контролю мир семейных, дружеских, интимных, деловых и иных интересов. Первым мыслителем, стремившимся последовательно обосновать важность невмешательства государства в такие сферы частной жизни, как супружеские отношения, воспитание детей, вопросы неприкосновенности жилища, был Аристотель, который доказательно аргументировал необходимость исключения этих отношений из сферы государственной власти¹.

Действительно, общеизвестно, что семья для человека — это не только «могучее средство от ударов общества», но и то место, где он выражает себя в отношениях с другими. Эти отношения имеют статус частных, или частных, в силу наполнения их личным, индивидуальным. Поэтому государство может вмешиваться в частную жизнь граждан лишь в случаях, когда, например, права и свободы членов семьи и лиц, находящихся с ней в прочной социальной связи, требуют охраны и защиты. Лишь с этой целью во всем мире государство вмешивается в отношения, именуемые личными и частными. Явление это неизбежное, но пределы такого вмешательства разнятся и во многом зависят от уровня принятой в государстве демократии.

К историческим аспектам формирования в российском законодательстве обеспечения правовой охраны сведений о частной жизни в своих исследованиях обращались такие ученые, как И. Л. Петрухин, И. В. Смолькова, В. Н. Блоцкий, С. Н. Гонтарь, Е. Е. Калашникова, Г. Г. Камалова, С. Е. Кузахметова, О. В. Максимова, М. В. Пермяков, Т. О. Праницкая и др., что указывает на теоретическую ценность и практи-

ческую значимость ретроспективного анализа для объективной оценки норм современного законодательства в этой сфере.

Основная часть

Приступая к такому анализу, стоит сказать, что для любого государства с момента его возникновения забота об охране сведений преимущественно в военной и дипломатической деятельности являлась традиционным фактором обеспечения безопасности. Не было исключением и российское государство. В этом отношении Г. Г. Камалова, исследовавшая возникновение и становление правового обеспечения конфиденциальности информации в России, связывает ее гносеологические истоки с началом становления государственности, отмечая при этом ее преимущественную направленность на обеспечение национальных интересов. Но, как подчеркивается указанным автором, обеспечение конфиденциальности сведений внешнеполитического характера имело нравственно-этическую основу, базирующуюся на категории «верность»².

К середине XVII в. уже можно говорить о появлении первых признаков правового обеспечения защиты сведений, касающихся служебной деятельности, о чем свидетельствует приносимая чиновниками (думными дьяками) присяга, содержащая обязательство «тайные государевы и всякие дела хранить в секрете»³.

В XVIII в. рядом указов Петра I предписывалось сохранение конфиденциальности не только государственных, но и служебных сведений под угрозой ответственности для лиц, что-либо тайно унесших «из коллегийных писем и документов»⁴.

Вместе с тем в ходе эволюции права получила признание и развитие идея необходимости защиты интересов не только государства и общества, но и частных лиц, что повлекло за собой возникновение правовых средств, направленных на ограничение доступа к определенной информации.

¹ Балашкина И. В. Особенности конституционного регулирования права на неприкосновенность частной жизни в Российской Федерации // Право и политика. 2007. № 7. С. 93.

² Камалова Г. Г. История охраны конфиденциальности сведений в России // Диалог со временем. 2019. Вып. 66. С. 336–337.

³ Припись дьякам думным // Полное собрание законов Российской империи : в 46 т. Т. 1 (1649–1675). СПб. : Тип. Второго отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1830. С. 311.

⁴ Указы Петра I от 13 января 1724 г. «О неписании секретных дел в партикулярных письмах», от 16 января 1724 г. «О поручении секретных дел в Сенате благородным людям», приказ Правительствующего сена-

Исследователи обращают внимание на то, что в Соборном уложении 1649 г., несмотря на то что единственным источником законодательства в период издания данного акта являлась воля монарха, уже содержались указания на необходимость защиты при осуществлении правосудия личной и семейной тайны, в которую «государственные люди» не должны вмешиваться. Значит, в российской правовой системе еще до выделения отдельных отраслей права придавалось особое значение некоторым сведениям частного, личного и семейного характера⁵.

В отношении сведений, составляющих информацию о частной жизни подданных, несомненное значение в обеспечении их конфиденциальности имел первый уголовный кодекс российского государства — Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. Этим актом устанавливалась ответственность почтовых служащих и чиновников за распечатывание адресованных другим лицам отправлений (ст. 1530), чиновников за разглашение «чужих тайн» (ст. 362, 365, 379, п. 5 ст. 447, ст. 449, 450, 453, 454)⁶.

Об охране конфиденциальности сведений о частной жизни участников уголовного судопроизводства могут свидетельствовать и положения изданного во время правления Александра II Наказа судебным следователям от 8 июня 1860 г., согласно ст. 63 которого для обеспечения «охранения тайн семейных»⁷ при обыске, если «окажется нужным пересмотреть бумаги, то сие надлежит делать с крайней осторожностью в присутствии обвиняемого или домохозяина и не оглашать тайн, ниже других обстоятельств, не относящихся к следствию»⁸.

В более поздних правовых актах также нашли отражение меры обеспечения и защиты сведений, касающихся частной жизни поданных. Например, перечень нарушающих неприкосновенность частной жизни наказуемых деяний был расширен Уголовным уложением 1903 г., согласно которому неприкосновенность жилища подлежала охране государством (гл. 26), т.е. была признана личным благом. При этом статьей 541, входящей в гл. 29, имевшую название «Об оглашении тайн», устанавливалось, что «обязанный по своему званию хранить в тайне доверенное ему сведение, виновный в умышленном оглашении онога, без достойных уважения причин, если при том оглашенное сведение могло причинить имущественный ущерб или опозорить лицо, к коему оно относилось, и виновный не подлежит за сие оглашение наказанию как за оскорбление»⁹. Санкции предусматривались и за вскрытие чужой депеши, письма или иной бумаги¹⁰.

В дальнейшем российский законодатель, утвердив в принятом в результате прогрессивных судебных реформ 1864 г. Уставе уголовного судопроизводства общую публичность уголовного процесса, тем не менее предусмотрел изъятия из нее посредством закрепления ряда норм, обеспечивающих конфиденциальность получаемых в ходе производства по делу сведений. В частности, статья 620 предусматривала именованные в законе чрезвычайными меры исключения публичности судебного разбирательства по делам:

1) о богохулении, оскорблении святыни и порицании веры (ч. 1);

та «О надписях на пакетах, в которых секретные дела» // Полное собрание законов Российской империи : в 46 т. Т. 7 (1723–1727). СПб. : Тип. Второго отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1830. С. 4409, 4418, 4481.

⁵ Гонтарь С. Н., Уваров Н. А. Генезис становления и развития конституционного права лица на неприкосновенность частной жизни в сфере уголовного судопроизводства (с начала становления российской государственности и до начала XX в.) // Мир науки, культуры и образования. 2014. № 5 (48). С. 301.

⁶ Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. // Сайт Музея истории российских реформ имени П.А. Столыпина. URL: <http://museumreforms.ru/node/13654>.

⁷ Устав уголовного судопроизводства: систематический комментарий / А. Ф. Кони, В. К. Случевский [и др.]; под общ. ред. проф. М. Н. Гернета. Вып. III: Ст. 249–594. М. : Издание М. М. Зива, 1914.

⁸ Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. Т. 35. Отд. первое. 1860. № 35303–36058. СПб. : Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1862. № 35891. С. 721.

⁹ Резон А. К. Уголовное уложение. Краткое изложение главных положений его в сопоставлении с действующим правом (с приложением сравнительных указателей статей Нового уголовного уложения и Устава о наказаниях). СПб. : Я. А. Канторович, 1903. С. 144–145.

¹⁰ Российское законодательство X–XX вв. : в 9 т. / отв. ред. О. И. Чистяков. М. : Юридическая литература, 1989. Т. 7. С. 37–40.

2) преступлениях против прав семейственных (ч. 2);

3) преступлениях против чести и целомудрия женщин (ч. 3);

4) развратном поведении, противоестественных пороках и сводничестве (ч. 4).

Очевидно, что если в первом случае изъятие из общих правил судопроизводства было обусловлено интересами нераспространения среди присутствующих в судебном месте идей богохульства и порицания веры, что могло представлять угрозу духовным устоям общества, то в остальных случаях это было обусловлено интересами личности, попавшей в сферу уголовно-процессуальных отношений, и заключалось в ограничении круга лиц, которым могли стать известными сведения, составляющие их личную, семейную и имеющую интимный характер информацию.

Подобные «чрезвычайные меры» в первоначальной редакции Устава уголовного судопроизводства не имели распространения на несовершеннолетних. Однако в рассматриваемом аспекте последующее совершенствование уголовно-процессуального законодательства было осуществлено Законом от 2 июля 1897 г. «Об изменении форм и обрядов судопроизводства по делам о преступных деяниях малолетних и несовершеннолетних, а также законоположений об их наказаниях»¹¹. Указанным актом впервые в истории российского законодательства была предусмотрена мера защиты сведений, связанных с личностью несовершеннолетнего правонарушителя и его деянием, с целью недопущения негативного воздействия гласного разбирательства дела на его психическое и нравственное развитие. Так, согласно ст. 620-1 Устава, впредь вводилось правило разбора дела по существу в отношении несовершеннолетних «при закрытых дверях».

О мерах, направленных на ограничение распространения информации о частной жизни подозреваемого, свидетельствуют правила производства обысков и выемок в домах, во время проведения которых не допускалось присутствие в жилище без согласия хозяина посторон-

них лиц (ст. 359), а обыск в бумагах должен был «быть производим с крайней осторожностью, без оглашения обстоятельств, не относящихся к следствию» (ст. 367).

В этом отношении примечательным является одно из правил обеспечения благопристойности поведения лиц, присутствующих в судебном месте. Согласно положениям ст. 157–158 принятого в рамках судебной реформы Учреждения судебных установлений от 20 ноября 1864 г. председатель был вправе сделать виновному предостережение или выговор, уведомив, что при повторении сего он будет удален из присутствия «в случае, когда участвующий в деле или его поверенный, находясь при докладе дела, употребит оскорбительные выражения против личности, частной или семейной жизни своего противника или же будет оглашать предосудительные для него обстоятельства без всякой в том надобности для разъяснения дела»¹².

Наличие этого правила не только было призвано обеспечивать должный порядок в судебном месте, но и порицало оглашение без необходимости сведений о частной жизни участников судебного разбирательства.

Как отмечается учеными, охране конфиденциальности информации, в том числе и о частной жизни граждан, служили и впервые введенные данным правовым актом нормы, направленные на охрану адвокатской (присяжного поверенного) и нотариальной (нотариальных книг) тайн, ст. 403 и 123 соответственно¹³.

Вместе с тем положения норм Учреждения судебных установлений входили в определенное противоречие с нормами Устава уголовного судопроизводства. Если согласно ст. 403 первого из приведенных актов «присяжный поверенный не должен оглашать тайн своего доверителя не только во время производства его дела, но и в случае устранения от оно и даже после окончания дела», то исходя из содержания ст. 370 Устава раскрытие тайн доверителя допускалось при производстве обыска и выемки. Этой нормой предписывалось, что «если представится необходимость в получении бумаг, переданных присяжному поверен-

¹¹ Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье : в 33 т. СПб. : Гос. тип., 1885–1916. Т. 17. № 14233.

¹² Российское законодательство X–XX вв. / под общ. ред. О. И. Чистякова. Т. 8. М. : Юридическая литература, 1986.

¹³ Буфетова М. Ш. Формирование института адвокатуры и института защиты судебной реформой 1864 года // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. 2024. № 3. С. 27 ; Камалова Г. Г. Указ. соч. С. 338.

ному с условием сохранить их в тайне, то следователь рассматривает их вместе с присяжным поверенным, соблюдая в точности правило, постановленное в статье 366-й», позволяющее ему «открывать запертое, когда хозяин не делает того добровольно». Указанная коллизия крайне негативно оценивалась представителями юридического сообщества того времени¹⁴.

Можно с уверенностью утверждать обусловленность некоторых из приведенных норм дореволюционного российского законодательства, касающихся невторжения в сферу частной жизни граждан, морально-этическими нормами¹⁵, сформировавшимися, как известно, гораздо раньше, чем правовые. С. Н. Гонтарь и Н. А. Уваров полагают, что такими своего рода ограничителями служили религиозные нормы¹⁶. Приоритет религиозных и нравственных требований наиболее наглядно проявлялся в действовавших в этот период исключениях из правил о гласности слушания дел в суде, которые в ряде случаев были связаны с ограждением от распространения сведений о частной, семейной или личной жизни.

Последующее за революцией 1917 г. свержение самодержавия и коренное изменение ценностных ориентаций новой власти, не предполагающих учета интересов отдельной личности, проявилось в последовательном отказе от демократических черт уголовного права и уголовного процесса предшествовавшего периода.

Так, в Уголовном кодексе молодой советской республики 1922 г.¹⁷ отсутствовало упоминание о личной и семейной тайне в качестве объекта уголовно-правовой охраны, поэтому не был предусмотрен механизм обеспечения защиты составляющих их сведений, что, исходя из действовавшей в то время идеологии, не признающей ничего частного и личного, и, как

следствие, приоритета общественных интересов над личными, являлось вполне естественным.

Такие демократические правовые блага, как личная и семейная тайна, неприкосновенность частной жизни, не имели прямого отражения в законодательстве, в том числе и в сфере уголовно-процессуальных отношений. Однако некоторые элементы защиты сведений частного характера были переняты законодателем новой власти из предшествовавшего уголовно-процессуального законодательства. Регламентация производства обыска в уголовно-процессуальных кодексах РСФСР 1922 и 1923 гг.¹⁸ также включала в себя положение о необходимости принятия следователем мер к тому, «чтобы не были оглашены обнаруженные при обыске обстоятельства частной жизни обыскиваемого, не имеющие отношения к делу» (ст. 184 и 181 соответственно).

В данных законах содержался и запрет вызова на допрос и допроса «защитника обвиняемого по делу, по которому он выполняет таковые обязанности» (ч. 1 ст. 65 и ч. 1 ст. 61 соответственно). Соблюдение неразглашения сведений из почтово-телеграфной корреспонденции обеспечивалось необходимостью санкционирования прокурором производства ее выемки (ст. 189 УПК РСФСР 1922 г. и ст. 186 УПК РСФСР 1923 г.).

В Конституцию СССР 1936 г.¹⁹ были включены нормы, закрепившие права советских граждан на неприкосновенность личности, жилища и тайны переписки (ст. 127 и 128). Тем не менее расположение указанных норм в самом конце этого особого нормативного правового акта говорит о том, что для государства защита приведенных прав советских граждан отнюдь не была приоритетной.

¹⁴ Квачевский А. Об уголовном преследовании, дознании и предварительном исследовании преступлений по судебным уставам 1864 года: теоретическое и практическое руководство : в 3 ч. Ч. 3. Вып. 2. СПб. : Тип. Ф. С. Сушинского, 1869. С. 321.

¹⁵ Миронова Е. Ю. Нравственные начала уголовно-процессуальной деятельности по Уставу уголовного судопроизводства 1864 года // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. 2024. № 3. С. 81.

¹⁶ Гонтарь С. Н., Уваров Н. А. Указ. соч. С. 301.

¹⁷ Постановление ВЦИК от 01.06.1922 (ред. от 25.08.1924) «О введении в действие Уголовного кодекса РСФСР» (вместе с Уголовным кодексом РСФСР) // СУ РСФСР. 1922. № 15. Ст. 153.

¹⁸ Постановление ВЦИК от 15.02.1923 (ред. от 31.01.1958) «Об утверждении Уголовно-процессуального кодекса РСФСР» (вместе с Уголовно-процессуальным кодексом РСФСР) // СУ РСФСР. 1923. № 7. Ст. 106.

¹⁹ Конституция (Основной Закон) Союза Советских Социалистических Республик (утв. постановлением Чрезвычайного VIII Всесоюзного съезда Советов СССР от 05.12.1936) // Известия ЦИК СССР и ВЦИК. 1936. № 283.

Согласимся с учеными, выражающими сомнение в действенности положений Основного Закона без отражения в отраслевом законодательстве посредством закрепления в нем механизмов их реализации. По мнению В. А. Козлова, без норм, содержащих гарантии реализации наиболее общих правовых предписаний на практике, последние превращаются лишь в декларацию²⁰.

Кроме этого, как подчеркивается учеными, обеспечение реальности конституционных положений невозможно без учета международно-правового контекста, где глобальным мерилom права становятся права человека, а последним прибежищем прав человека зачастую является правосудие²¹. Одной из наиболее важных проблем Советской России был вопрос юридического статуса международных актов (договоров, конвенций и т.д.). Советский Союз в то время не стремился приобщиться к мировому сообществу и тем тенденциям, которые в нем существовали. Такие документы наднационального права (оцениваемые в настоящее время как фундаментальные в области защиты прав человека), как Всеобщая декларация прав человека²² и Международный пакт о гражданских и политических правах²³, были приняты Советским государством далеко не сразу.

Если принятие первого из указанных документов Генеральной Ассамблеей ООН было осуществлено в 1948 г., то Съездом народных депутатов СССР — лишь 5 сентября 1991 г. Что касается второго документа, то он был принят ООН в конце 1966 г., а для Советской России вступил в силу лишь в марте 1976 г. Согласно ч. 1 ст. 17 Международного пакта о гражданских и политических правах, «никто не может подвергаться произвольному или незаконному вмешательству в его личную и семейную жизнь, произвольным или незаконным посягательствам на неприкосновенность его жилища,

тайну его корреспонденции или на его честь и репутацию».

Приведенное положение непосредственным образом устанавливало необходимость для принявших данный документ государств отразить в национальном законодательстве гарантии защиты частной жизни граждан. В этой связи можно предположить, что именно ратификация Советским государством этого международного документа, провозгласившего на международном уровне значение защиты прав граждан, в том числе касающихся сведений об их частной жизни, послужила объективной предпосылкой закрепления в Конституции СССР 1977 г.²⁴ норм, расширивших перечень прав личности, подлежащих охране государством, посредством включения в дополнение к имевшимся ранее защиты личной жизни.

Согласно ст. 56 Конституции СССР 1977 г., «личная жизнь граждан, тайна переписки, телефонных переговоров и телеграфных сообщений охраняются законом».

По поводу сферы уголовно-процессуальных отношений следует отметить, что приведенное конституционное положение уже содержалось в дословном виде в ч. 2 ст. 12 принятого в 1960 г. УПК РСФСР. При этом обращает на себя внимание факт сужения использовавшегося в прежнем законодательстве понятия «частная жизнь» до понятия «личная жизнь». Более того, и охрана сведений о личной жизни участников процесса ограничивалась законом до недопустимости разглашения только сведений об обстоятельствах интимной жизни лица, в частности при производстве обыска (ч. 5 ст. 170 УПК РСФСР) или в судебном разбирательстве (ч. 2 ст. 18 УПК РСФСР). Между тем представляется очевидным, что личностью может расцениваться в качестве конфиденциальной ставшая известной участникам уголовного судопроизводства информация не только

²⁰ Козлов В. А. Проблемы предмета и методологии общей теории права. Л. : Изд-во ЛГУ, 1989. С. 30.

²¹ Гондаренко А. С. Конституционно-правовой механизм обеспечения реальности конституционных принципов правосудия в Российской Федерации : дис. ... канд. юрид. наук. Ставрополь, 2007. С. 126 ; Литвинцева Н. Ю. Конституционный механизм реализации прав личности в уголовном судопроизводстве // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. 2019. № 2 (24). С. 29.

²² Всеобщая декларация прав человека (принята Генеральной Ассамблеей ООН 10 декабря 1948 г.) // Российская газета. 1995. № 67.

²³ Международный пакт о гражданских и политических правах (принят 16 декабря 1966 г. Резолюцией 2200 (XXI) на 1496-м пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН) // Ведомости Верховного Совета СССР. 1976. № 17. Ст. 291.

²⁴ Конституция (Основной Закон) Союза Советских Социалистических Республик (принята ВС СССР 7 октября 1977 г.) (ред. от 14.03.1990) // Ведомости ВС СССР. 1977. № 41. Ст. 617.

об интимной стороне его личной жизни, но и другая.

Изъятие из употребления в законодательстве этого периода понятия «частная жизнь», по справедливому мнению ученых, означало отсутствие ее защиты, поскольку такая защита лишь фрагментарно обеспечивалась законом²⁵, делая «декларативной и охрану личной жизни граждан, тайны переписки, телефонных переговоров и телеграфных сообщений»²⁶.

Вместе с тем содержание личной жизни в правовой науке того времени раскрывалось через необходимость охраны всех сторон личной жизни граждан, оглашение сведений о которых последние считают по каким-либо причинам для них нежелательными. Одновременно частное, по сравнению с личным, оценивалось в юридической литературе негативно и подлежало порицанию как «необщественное»²⁷.

Только в 1991 г. в тексте Основного Закона при внесении в него изменений была произведена замена понятия «личная жизнь» на понятие «частная жизнь»²⁸. В свете этого учеными отмечается существовавший долгое время разрыв между реальностью и правовым регулированием в советских конституциях, что являлось их основным недостатком, поскольку законодательство Советской России, закрепляя основные права человека, должным образом не определяло гарантии и механизмы их реализации и защиты²⁹. Защита сведений о частной жизни как неотъемлемое право человека декларировалась лишь по мере фиксации в международно-правовых актах³⁰. Однако уголовным законодательством того времени не было установлено никаких санкций за нарушение неприкосновенности частной жизни, что современными исследователями оценивается как грубейшая ошибка³¹.

С принятием в 1993 г. Конституции РФ охраняемым законом стали подлежать не только право на неприкосновенность частной жизни, личной и семейной тайны (ч. 1 ст. 23), связи и корреспонденции (ч. 1 ст. 23), но и персональные данные (ст. 24).

В настоящее время провозглашенная в Конституции РФ защита информации о частной жизни граждан нашла свое отражение в положениях отраслевого законодательства. Так, согласно п. 1 ст. 152.2 ГК РФ, «если иное прямо не предусмотрено законом, не допускаются без согласия гражданина сбор, хранение, распространение и использование любой информации о его частной жизни, в частности сведений о его личной и семейной жизни». Согласно ч. 5 ст. 161 УПК РФ, «разглашение данных о частной жизни участников уголовного судопроизводства без их согласия, а также данных о частной жизни несовершеннолетнего потерпевшего, не достигшего возраста 14 лет, без согласия его законного представителя не допускается».

Стоит обратить внимание на то, что если в ч. 1 ст. 23 Основного Закона речь идет о личной и семейной тайне, то в приведенных нормах процессуального законодательства — уже о любой информации о частной жизни гражданина, которую он посчитает конфиденциальной, т.е. отраслевое законодательство не только с необходимостью отражает конституционные положения, но и развивает их.

Применительно к уголовному судопроизводству правовая защита сведений о частной жизни предполагает минимизацию рисков для репутации попавших в сферу уголовно-процессуальных отношений граждан. Другими словами, не должны подлежать огласке именно те сведения, которые могут принести какой-либо вред лицу, которого эта информация касается.

²⁵ Гонтарь С. Н., Уваров Н. А. Указ. соч. С. 291.

²⁶ Калашникова Е. Е. Уголовно-правовое обеспечение неприкосновенности информации о частной жизни : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2001. С. 12.

²⁷ Барабашев Г. В. Советское государственное право. М. : Юридическая литература, 1980. С. 215.

²⁸ Хужокова И. М. Конституционное право человека и гражданина на неприкосновенность частной жизни в Российской Федерации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2007. С. 16.

²⁹ Майоров А. В., Поперина Е. Н. Формирование и развитие права на неприкосновенность частной жизни // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2012. № 3 (21). С. 34.

³⁰ Байбатырова Г. Т., Кульчиева М. Ж. Эволюция становления и развития права на неприкосновенность частной жизни // Содержательные и процессуальные аспекты современного образования: материалы III Международной научно-практической конференции (г. Астрахань, 10 марта 2021 г.). Астрахань: Астраханский университет, 2021. С. 318.

³¹ Хуаде А. Х. Механизм обеспечения права на неприкосновенность частной жизни в Российской Федерации // Вестник Майкопского государственного технологического университета. 2014. № 3. С. 72.

Заключение

Таким образом, становление в России правовой защиты сведений о частной жизни граждан от разглашения прошло сложный путь развития, началом которого послужило признание особой значимости таких сведений для личности, в итоге воплотившееся в реальное закрепление их защиты в законодательстве. При этом право на неприкосновенность частной жизни гораздо раньше было признано наукой, чем законодателем. В нашем государстве происходило постепенное формирование представления о необходимости ограждения от вмешательства извне (со стороны государства и общества) в определяемую самим человеком сферу жизненного пространства, сведениями о которой он не желает делиться ни с кем посторонним. В случае же необходимости в

этом, например в ходе уголовного судопроизводства, человек должен располагать уверенностью, что такие сведения будут защищены от распространения, не будут обращены ему во вред.

Можно утверждать, что по вопросу правовой регламентации взаимоотношений между публичными интересами государства и частными интересами конкретной личности в отношении обеспечения защиты от неразглашения информации о ее частной жизни современное законодательство претерпело существенные и прогрессивные изменения по сравнению с действовавшим ранее. Думается, что для достижения разумного баланса конституционно значимых ценностей, конкурирующих прав и законных интересов действующее законодательство нуждается в дальнейшем совершенствовании.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Байбатырова Г. Т., Кульчиева М. Ж. Эволюция становления и развития права на неприкосновенность частной жизни // Содержательные и процессуальные аспекты современного образования: материалы III Международной научно-практической конференции (г. Астрахань, 10 марта 2021 г.). Астрахань: Астраханский университет, 2021. С. 316–320.

Балашкина И. В. Особенности конституционного регулирования права на неприкосновенность частной жизни в Российской Федерации // Право и политика. 2007. № 7. С. 92–105.

Барабашев Г. В. Советское государственное право. М. : Юридическая литература, 1980. 276 с.

Буфетова М. Ш. Формирование института адвокатуры и института защиты судебной реформой 1864 года // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. 2024. № 3. С. 26–37.

Гондаренко А. С. Конституционно-правовой механизм обеспечения реальности конституционных принципов правосудия в Российской Федерации : дис. ... канд. юрид. наук. Ставрополь, 2007. 231 с.

Гонтарь С. Н., Уваров Н. А. Генезис становления и развития конституционного права лица на неприкосновенность частной жизни в сфере уголовного судопроизводства (с начала становления российской государственности и до начала XX в.) // Мир науки, культуры и образования. 2014. № 5 (48). С. 301–303.

Калашникова Е. Е. Уголовно-правовое обеспечение неприкосновенности информации о частной жизни : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2001. 24 с.

Камалова Г. Г. История охраны конфиденциальности сведений в России // Диалог со временем. 2019. Вып. 66. С. 336–347.

Квачевский А. Об уголовном преследовании, дознании и предварительном исследовании преступлений по судебным уставам 1864 года: теоретическое и практическое руководство : в 3 ч. Ч. 3. Вып. 2. СПб. : Тип. Ф. С. Сушинского, 1869. С. 329–597.

Козлов В. А. Проблемы предмета и методологии общей теории права. Л. : Изд-во ЛГУ, 1989. 116 с.

Кузахметова С. Е. История принципа неприкосновенности частной жизни в России дореволюционного периода // Научный потенциал — 2006 : материалы III Международной научно-практической конференции. Т. 15. Днепропетровск : Наука и образование, 2006. С. 3–12.

Литвинцева Н. Ю. Конституционный механизм реализации прав личности в уголовном судопроизводстве // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. 2019. № 2 (24). С. 28–36.

Майоров А. В., Поперина Е. Н. Формирование и развитие права на неприкосновенность частной жизни // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2012. № 3 (21). С. 34–38.

Миронова Е. Ю. Нравственные начала уголовно-процессуальной деятельности по Уставу уголовного судопроизводства 1864 года // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. 2024. № 3. С. 69–82.

Пермяков М. В. Категория «тайна» в системе правового регулирования : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2006. 23 с.

Петрухин И. Л. Личные тайны (человек и власть). М. : ИГПАН, 1998. 230 с.

Резон А. К. Уголовное уложение. Краткое изложение главных положений его в сопоставлении с действующим правом (с приложением сравнительных указателей статей Нового уголовного уложения и Уложения и Устава о наказаниях). СПб. : Я. А. Канторович, 1903. 331 с.

Российское законодательство X–XX вв. : в 9 т. / отв. ред. О. И. Чистяков. Т. 7. М. : Юридическая литература, 1989. 431 с.

Устав уголовного судопроизводства: систематический комментарий / А. Ф. Кони, В. К. Случевский [и др.] ; под общ. ред. проф. М. Н. Гернета. Вып. III : Ст. 249–594. М. : Издание М. М. Зива, 1914. 583 с.

Хуаде А. Х. Механизм обеспечения права на неприкосновенность частной жизни в Российской Федерации // Вестник Майкопского государственного технологического университета. 2014. № 3. С. 69–73.

Хужокова И. М. Конституционное право человека и гражданина на неприкосновенность частной жизни в Российской Федерации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2007. 26 с.

REFERENCES

Baibatyrova GT, Kulchieva MZh. The Evolution of the Formation and Development of the Right to Privacy. In: Substantive and Procedural Aspects of Modern Education: Proceedings of the 3rd International Scientific and Practical Conference, Astrakhan, March 10, 2021. Astrakhan: Astrakhan University Publishing House; 2021. (In Russ.).

Balashkina IV. Specific Features of the Constitutional Regulation of the Right to Privacy in the Russian Federation. *Prvo i politika*. 2007;7:92-105. (In Russ.).

Barabashev GV. Soviet State Law. Moscow: Juridicheskaya literature Publ.; 1980. (In Russ.).

Bufetova MSh. Development of the Institute of Advocacy and the Institute of Defense by the Court Reform of 1864. *Siberian Criminal Procedure and Criminalistic Readings*. 2024;3:26-37. (In Russ.).

Chistyakov OI (ed.). Russian Legislation in 9th–10th centuries. In 9 vols. Vol. 7: Peasant Reform Documents. Moscow: Jurid. lit. Publ.; 1989. (In Russ.).

Gondarenko AS. The Constitutional and Legal Mechanism for Ensuring the Effective Implementation of Constitutional Principles of Justice in the Russian Federation. Cand. Sci. (Law) Diss. Stavropol; 2007. (In Russ.).

Gontar SN, Uvarov NA. The Genesis of the Formation and Development of the Constitutional Right to Privacy in the Sphere of Criminal Justice: From the Emergence of the Russian State to the Early 20th Century. *The World of Science, Culture and Education*. 2014;5(48):301-303. (In Russ.).

Kalashnikova EE. Criminal law enforcement of privacy information. Cand. Sci. (Law) Diss. Author's Abstract. Moscow; 2001. (In Russ.).

Kamalova GG. History of Confidentiality Protection in Russia. *Dialogue with Time*. 2019;66:336-347. (In Russ.).

Khuade AKh. Mechanism of ensuring the right for privacy in the Russian Federation. *Vestnik Maykopskogo gosudarstvennogo tekhnologicheskogo universiteta*. 2014;3:69-73. (In Russ.).

Khuzhokova IM. The constitutional right of man and citizen to the inviolability of private life in the Russian Federation. Cand. Sci. (Law) Diss. Author's Abstract. Saratov; 2007. (In Russ.).

Koni AF, Sluchevskiy VK, et al. Gernet MN (ed.). Criminal Procedure Statutes: A Systematic Commentary. Issue III. Pp. 249–594. Moscow: Izдание M. M. Ziva Publ.; 1914. (In Russ.).

Kozlov VA. Problems of the Subject Matter and Methodology of the General Theory of Law. Leningrad: LGU Publishing House Publ.; 1989. (In Russ.).

Kuzakhmetova SE. History of the Principle of the Inviolability of Private Life in Russia during the Pre-Revolutionary Period. *Proceedings of the 6th International Scientific and Practical Conference «Scientific Potential — 2006»*. Vol. 15. Dnipropetrovsk: Nauka i obrazovanie Publ.; 2006.

Kvachevskiy A. On Criminal Prosecution, Inquiry and Preliminary Investigation of Crimes under the Judicial Statutes of 1864: A Theoretical and Practical Guide. In 3 Parts. Part 3 «On Preliminary Investigation». Issue 2. St. Petersburg: Printing House of F. S. Sushinsky Publ.; 1869. (In Russ.).

Litvintseva NYu. The constitutional mechanism of implementing the rights of a person in criminal proceedings. *Siberian Criminal Procedure and Criminalistic Readings*. 2019;2(24):28-36. (In Russ.).

Mayorov AV, Poperina EN. Formation and Development of the Right to Privacy. *Legal Science and Law Enforcement Practice*. 2012;3(21):34-38. (In Russ.).

Mironova EYu. Moral foundations of criminal procedure activities under the Statute of Criminal Procedure of 1864. *Siberian Criminal Procedure and Criminalistic Readings*. 2024;3:69-82. (In Russ.).

Permyakov MV. Category «secrecy» in the legal system. Cand. Sci. (Law) Diss. Author's Abstract. Nizhniy Novgorod; 2006. (In Russ.).

Petrukhin IL. Personal secrets (man and power). Moscow: IGPAN Publ.; 1998. (In Russ.).

Rezon AK. Uголовное Uложение: A Concise Exposition of its Chief Provisions, in Comparison with the Law in Force: With an Appendix of Comparative Indexes of the Articles of the New Criminal Code and of the Uложение and the Statute on Punishments. Compiled by A.K. von Rezon. St. Petersburg: Ya. A. Kantorovich Publ.; 1903. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Корнакова Светлана Викторовна, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры теории и истории государства и права Байкальского государственного университета
Ленина ул., д. 11, г. Иркутск 664003, Российская Федерация
Svetlana-kornakova@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Svetlana V. Kornakova, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Department of Theory and History of the State and Law, Baykal State University, Irkutsk, Russian Federation
Svetlana-kornakova@yandex.ru

Материал поступил в редакцию 12 декабря 2024 г.

Статья получена после рецензирования 23 января 2025 г.

Принята к печати 15 августа 2025 г.

Received 12.12.2024.

Revised 23.01.2025.

Accepted 15.08.2025.